

Александр Шевцов

Тойди тудда, не знаю куда

Книга третья
ТРИ ЦАРСТВА

Александр Шевцов

**Пойди туда, не знаю куда.
Книга 3. Три царства**

«Издательство Роща»

2019

Шевцов А. А.

Пойди туда, не знаю куда. Книга 3. Три царства / А. А. Шевцов —
«Издательство Роцца», 2019

ISBN 978-5-6043700-8-7

Из Присказки: Бледный всадник на Белом коне не знает, в какую сторону надо ехать. Перед ним белый свет, и нет направлений. Поэтому он едет просто впереди Красного всадника на Красном коне. Но иногда Всадника на Красном коне закрывают тучи или туманы. И тогда Бледный всадник может потеряться. И с ним исчезнет весь наш Белый свет... Что станет с нами, если наш Белый свет переместится в другое место, никто не знает. Но даже Боги не хотят проверять. Поэтому Бледному всаднику дан Белый конь. Белый конь всегда знает, куда ехать. Даже в белизне. Мы боимся темноты, но разве белизна безопасней? Почему мы так думаем?

ISBN 978-5-6043700-8-7

© Шевцов А. А., 2019
© Издательство Роцца, 2019

Содержание

Присказка	6
Провалище	8
Во тьме	11
Охота	14
Крона	19
Паучье гнездо	22
Внутри паучьего гнезда	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Шевцов
Пойди туда, не знаю куда.
Книга третья. Три царства
Роман в сказках

© А. Шевцов, 2018–2021.

© А. Шевцов, иллюстрации, 2021.

© Издательство «Роща», оформление, 2021.

Присказка

Бледный всадник на Белом коне не знает, в какую сторону надо ехать. Перед ним белый свет, и нет направлений. Поэтому он едет просто впереди Красного всадника на Красном коне. Но иногда Всадника на Красном коне закрывают тучи или туманы. И тогда Бледный всадник может потеряться. И с ним исчезнет весь наш Белый свет...

Что станет с нами, если наш Белый свет переместится в другое место, никто не знает. Но даже Боги не хотят проверять. Поэтому Бледному всаднику дан Белый конь. Белый конь всегда знает, куда ехать. Даже в белизне. Мы боимся темноты, но разве белизна безопасней? Почему мы так думаем?

Наверное, потому, что при белом свете виден этот мир. Но что будет видно в мире, если отнять от него Белый свет? И что можно будет увидеть в чистом Белом свете? Белизну?

Один только Белый конь умеет видеть в белизне. Он умеет видеть и в Темноте, поскольку всегда везет Бледного всадника из Темноты. А еще он умеет видеть во времени. Поэтому, когда Бледный всадник переезжает через Калинов мост, Белый конь всегда спотыкается, если за ночь в нашем мире родился новый герой. Тогда Бледный всадник спрашивает своего коня:

– Что ты спотыкаешься, волчья състь?

И каждый раз Бледный всадник ждет, что конь расскажет ему о рождении героя. И каждый раз он боится, что конь расскажет ему, что за ночь одним героем стало меньше...

Когда Птица Рах скинула Нетота со своей спины в открывшееся в земле провалище, Бледный Всадник въехал на Калинов мост на Белом коне. И конь его споткнулся.

Всадник не стал задавать свой вопрос. Он боялся услышать ответ. Он просто закрыл глаза ладонью и скорбил так, пока лучи Красного всадника не подтолкнули его коня. Печально

ехал Бледный всадник в это утро по небосводу, а глаза его невольно искали на земле знакомый образ. Но Нетота больше не было на этой земле. Поэтому утро того дня было мрачным и туманным...

Провалища ведут в совсем иные миры, и из них почти никому не удалось вернуться. Любимые наши уходят, и лишь Надежда остается в наших сердцах, словно ребенок, оставленный отцу погибшей при родах матерью.

Надежда, что и в Нижних мирах можно жить, и есть пути...

Провалище

Птица Рах скинула Нетота со своей спины и с криком унеслась вверх. Нетот летел в огромную черную щель, распахнувшуюся в земле, словно она треснула, и непроизвольно радовался, что падает не на твердое. Но тут по краям щели показались острые белые камни, мимо которых надо было суметь проскользнуть.

– Словно пасть с зубами! – пронеслось в голове Нетота, и он подивился тому, как много пустых мыслей успевают проскочить в его уме, когда надо бы думать о главном. – А что главное? О чем надо думать, когда летишь в черную пропасть?! Наверное, о самом главном надо думать!

Эта мысль так его захватила, что на какое-то время отогнала ужас падения в темноту, и он летел и летел с одной мыслью: «Не забывать главное!»

При этом он не думал, но чувствовал, что следующей должна быть мысль о смерти, и ожидал ее. Но так и не дождался, потому что стенки провалища стали сжиматься. Он ударился об одну и отлетел к другой и принялся скакать, словно мячик, отскакивая от стен.

Это тут же заняло его.

– Неужто это скаканье важнее смерти? – мелькнула у него следующая мысль, но он не сумел ее додумать, потому что решил сжаться в шарик, поджал ноги, охватил их руками, а голову засунул между коленями.

Удары о стенки продолжались, но проход становился все уже, и удары слабели.

– Надо же, и вправду сжавшись легче скакать, – мелькнуло в голове, так что Нетот даже возмущился. – О какой фигне я думаю?! Тут смерть рядом, а я в мячик играю! О главном надо думать! И все же так скакать мягче...

Он готов был возмутиться на самого себя, но тут стенки сжались настолько, что скачки совсем прекратились, и Нетот почувствовал, что уже не падает, а скользит вниз. Стенки казались скользкими. Это стоило обдумать, но вместо этого лезла в голову мысль, не торчит ли где-нибудь из стенки камушек, и как лучше по нему проехать: спиной или руками и ногами?

Тут Нетот сообразил, что ему вовсе не обязательно и дальше сжиматься в мячик, и распустил руки и выпрямил ноги. Скольжение тут же ускорилося, что его снова напугало. Он даже подумал было начать тормозить руками, но побоялся, что обожжется от трения. Однако стенки снова сузились и начали сжимать его тело. И сжимали, пока движение совсем не прекратилось.

Он висел в полной темноте, словно спелёнатый по рукам и ногам, и все что мог – это немного вертеть головой, что было совершенно бессмысленно, поскольку вокруг была полнейшая тьма.

– И что же тут главное? – внезапно пришла к нему ехидная мысль и тихонько захихикала.

Нетот попытался ее отогнать, но она вилась вокруг его головы, словно надоедливая муха. Сначала Нетот непроизвольно попался и начал думать, что ей ответить. Ему казалось, что сейчас он сделает усилие и скажет, что главное. Он прямо чувствовал, что это возможно: просто напрячься и сказать. Ответ словно был совсем рядом, взять и дотянуться. Но тут он понял, что может шевелить пальцами. Ехидная мысль снова захихикала.

И тут же потекли мысли о том, что это именно мысли не дают подумать о самом главном. Надо просто избавиться от всех мыслей, и тогда, в пустоте, где больше ничего нет, главное станет видно само!

– Хорошая мысль, – захихикала ехидная мысль, усевшись ему на кончик носа.

Нос зачесался. Нетот понимал, что ничего у него на носу не сидит, но невольно принялся его морщить и понял, что может не только вертеть головой, но еще морщить нос. Мысль захихикала и слетела с его носа. Нетот тут же ловко плюнул в нее. И, похоже, даже попал, потому что она с писком улетела куда-то вверх за голову и принялась там кувыркаться, заливаясь смехом.

Тут мысли Нетота совсем начали путаться, сплетаясь в два потока:

– Еще могу... все отвлекает... шевелить губами и языком... от главного... и дышу!.. что же тогда... раз дышу, значит... главное?... живу!

Так Нетот почти стал философом, сочинив свою первую философскую мысль: «Я дышу – значит, я живу!» И посчитал, что это и есть главное. В следующий миг пришло легкое сомнение, и он уточнил: «Это может быть главным!» Еще через какое-то время вдруг промчалось вспышкой: «И это жизнь?! Да сдалась она такая-то!»

Но в этот миг он почувствовал, что может еще шевелить ногами ниже колен, и принялся ими шевелить. Странно, но там внизу, похоже, ничего не было. Расщелина, в которую он провалился, сжалась до узкой трубы, и Нетот, видимо, застрял в ней на самом выходе в какое-то неведомое пространство.

Он болтал ножками, силясь проскочить ниже, и все мысли о главном ушли, потому что именно это стало главным. Недолго помучавшись, Нетот породил следующее философское откровение: главная мысль – это мысль о главном!

Ядовитая мысль возле его уха захихикала: «А главное – это то, чего тебе сейчас больше всего хочется!»

– А хоть бы и так?! – вступил Нетот в спор с собственной мыслью, ощущая себя весьма глупо.

– А не пожалеешь?

– Никогда! – в запале воскликнул Нетот и понял, что еще может кричать. Благо, никто не слышит.

– А можно и наоборот, – съязвила мысль. – О чем думаешь, как о главном, то и главное!

Но осмыслить это Нетот не сумел, потому что в этот миг пришла мысль, что снизу что-то должно быть. Или кто-то. Нетот поболтал еще ногами и почувствовал, что снизу словно жидкость.

– А если этот кто-то подплывет снизу и откусит ноги?! – от этой дурацкой мысли ноги его непроизвольно поджались, а тело уперлось в стенки трубы.

– Лучше бы ты этого не делал! – захихикала ядовитая мысль.

– Почему?

– А вдруг расширишь проход?

– И что? – подумал Нетот, но тут же сообразил: снизу пустота, и неизвестно, сколько там лететь до дна...

Он резко расслабился, чтобы не давить на стенки, и в тот же миг скользнул вниз, в ужасе думая, что самое главное – это то, что он дурак!

Труба, однако, снова сжалась и успела ухватить его за голову. Теперь он висел всем телом в пустоте, не шевелясь, и думал, оторвется ли голова, долго ли выдержит шея, и как он сможет дышать. Последнее оказалось самым страшным. Шея как-то держала, хотя и похрустывала, но воздуха стало не хватать, и Нетот почувствовал, что задыхается.

От этого ощущения он ожил, постарался руками упереться в края трубы, чтобы вырвать из нее голову, изогнулся и уперся в нее ногами, но труба не отпустила, несмотря на все усилия. Сознание начало покидать Нетота. В последнем усилии он задержался, стараясь вырваться из этой чудовищной ловушки, и не справился.

Свет погас, и последняя мысль, что у него мелькнула: «Откуда здесь свет, чтобы гаснуть, если кругом тьма?»

Но свет определенно гас в его глазах, и это вдруг стало самым главным...

– Почему я не вижу света в темноте?... Вот же он!

Во тьме

Свет погас, и это несло облегчение, но в следующий миг Нетот рухнул в какую-то вонючую жидкость, и его легкие начали вопить, что они задыхаются.

– Ну и что? – размягченно думал Нетот, пытаясь сохранить то удивительное ощущение ухода, которого только что достиг. – Наверное, замерзать так же сладко...

Но легкие вопили так страшно, что ехидная мысль возмутилась и принялась пинать его прямо в то, что испытало сладость ухода: «Придунок, сдохнешь!»

– Так я, вроде, уже помер... – вяло отмахивался от нее Нетот.

– Не-а... Это ты себе придумал такую сладкую смерть! Вот сейчас начнется настоящая!

Тут до Нетота прорвались крики легких, и он очнулся. И принялся барахтаться, словно сумасшедший.

Ехидная мысль залилась смехом: «Ты совсем дурак! То спишь, то несешься куда-то! А куда ты несешься, придунок?!»

– Всплыть! Всплыть надо!

– А-а! А в какую сторону всплывать-то собрался?

Этот вопрос неожиданно расслабил Нетота, и даже легкие успокоились, словно нехватка воздуха больше не имела значения.

– Действительно... Вроде, всплывать надо вверх... – пронеслось в голове у Нетота, как совершенно очевидное.

Однако очевидным оно было за мгновение до этого, потому что в те мгновения, что звучали эти вопросы, Нетот успел понять, что не знает, где тут верх, а где низ. Какое-то исходное чувство, позволяющее ныряльщику всегда знать, где верх, где низ, больше не работало. Или не существовало...

– погоди, – сказал сам себе Нетот, – но ведь это то же чувство, когда встаешь на ноги... Земля тянет, клонит весом...

Однако в этом странном месте больше не было веса и, похоже, земля тоже не тянула. Вот тут Нетота начал охватывать настоящий ужас: куда всплывать?

Он было рванулся в одну сторону, но ни берегов, ни поверхности не нащупал. Тогда рванулся в другую сторону, и там только жидкость.

– Ну, все, – подумал Нетот, – похоже, попался... Принять, что ли?

– Конечно, принять! – захихикала мысль. – Так приятно!

Нетот хотел было назло мысли поплыть все же, куда глаза глядят. Но тут его заняла другая мысль, что глаза не глядят никуда, и он завис в задумчивости, подыскивая правильные слова.

Однако, пока он висел, ища мысли, которые, как им и полагается, сразу все исчезли, в наступившей тишине он вдруг почувствовал легкий ток жидкости. Она определенно куда-то стремилась потихоньку. И Нетот поплыл по направлению тока.

Ток этот постепенно усиливался, и в какой-то миг стал вдруг настолько сильным, что потащил Нетота. Тут Нетот попытался сопротивляться, но было уже поздно, и его, словно пробку, с силой воткнуло в следующую трубу. Только теперь он торчал головой вперед и снова дрыгал ножками где-то в пространстве, полном жидкости.

Какое-то время ему казалось, что он висит головой вниз. Однако это могло быть и вбок. И тут же стало для него вбок. Но стоило ему вспомнить, как он висел в предыдущей трубе, как тут же оказался снова висящим головой вверх и испугался, что сейчас снова провалится в трубу, и та поймает его за голову.

Однако труба стала вдруг сокращаться, словно собираясь его выплюнуть, и поток жидкости вытолкнул его вперед, так что Нетот подлетел высоко вверх и ударился о поверхность жидкости, которая висела, словно потолок. В следующий миг мир, однако, перевернулся, и

Нетот понял, что выпал все же вниз, и хотел всплыть. Но жидкость вдруг забурлила и потащила его все ниже и ниже.

И Нетот мчался во тьме по скользким трубам, ударяясь об их стены, отлетая, кувыркаясь и все пытаясь вздохнуть. Вздохнуть, правда, не удавалось, и он невольно задавался вопросом: сколько времени он уже не дышит? И есть ли жизнь без дыхания?

Направление он опять потерял, и то ли падал, то ли взлетал. Движение это казалось бесконечным, ни понять его, ни запомнить хоть что-то было невозможно. Все, что было – это бесконечное движение в бесконечной тьме. Но было еще что-то. Это что-то было внутри, и его не сразу удалось схватить. Нетот сделал усилие и понял: кроме движения и тьмы было еще то, что его занимало! Он весь был направлен, нацелен на это бесконечное движение...

Как только он это понял и решил наблюдать за движением, он вдруг оказался внутри какого-то пространства, где движения больше не было. Он просто висел, и не было больше ничего! Ни движения, ни направления, ни даже каких-то ощущений, потому что после бесконечного числа ударов о скользкие стенки, тело словно отбилося и потеряло чувствительность.

Он бестелесно висел в темноте, и не было ничего...

Но и это было обманом, потому что через какое-то время он понял, что висит уже долго. И понял, что время все же было! Он потерял чувство направления, почти потерял понятие пространства, но не потерял понятие времени! Как любопытно!

И Нетот принялся наблюдать за этим своим ощущением. Что-то ведь в нем должно было чувствовать это самое время, должно было быть какое-то Чувство, вроде ушей, глаз или носа, чтобы чутя время! Но ничего не нащупывалось.

Правда, по мере того, как он нащупывал, вернулось чувство пространства. Он словно лазал внутри себя по каким-то ходам, путям и полостям в поисках того места, где пряталось чувство времени. Это его захватило. Это было такое тонкое и незнакомое ощущение!

Движение вернулось, но оно было совсем иным, внутренним! И очень скоро он вдруг понял, что не видит разницы между движением внутри и снаружи... Раньше между внутри и снаружи всегда была граница, и он всегда ощущал, когда ее переходит. А теперь движение больше не знало границы. Оно просто было!

Нетот отдался ему и потек вместе с движением. И оказалось, что оно само движется. Там, внутри него, была словно своя тяга, свой ток чего-то, что тащило его... Кого, его? Кого или что тащило этим током?

Похоже, с каждым таким вопросом Нетот углублял свое созерцание, потому что и переходы по вопросам, и само движение вдруг начали вызывать у него в сознании световые вспышки и всполохи. В основном это были белые свечения, но когда они взрывались вспышками, там сияло такое обилие радуги, какого Нетоту не доводилось видеть даже при свете дня.

– Потому и не доводилось, – захихикала ехидная мысль, – что при свете дня!

– Ну да, действительно, – согласился Нетот, – свет же застит видение... А может, внутри эти вспышки просто ярче?

Но как только пришел этот вопрос, Нетот тут же увидел, что подобные сполохи происходят и снаружи. Все это пространство тьмы светилось и играло бликами разных цветов.

– Вот ведь, красотища-то какая! – поразился Нетот, распахивая глаза. И только тут сообразил, что глаза у него до этого были закрыты – непроизвольно зажмурил их, когда летел по трубам, чтобы случайно не выбить.

– Так глаза, чтобы видеть этот свет, не нужны?! – проникся Нетот новым открытием и тут же зажмурился.

Действительно, он прекрасно видел весь этот световой мир и без глаз. И видел он его так, словно это была светлая от звезд, безлунная и безоблачная ночь, в которую небо переполнено звездами. Только звезды эти играли и двигались, вместе со световыми облаками, которые гнали световые ветры...

– Вот это красотища! – опять зашелся Нетот, разглядывая мир, который ему открылся. – Жизнь не зря прожил!..

Но тут он ошибся, потому что в следующий миг он увидел, как где-то позади него разгорается еще более прекрасный свет, словно там вставало утреннее светило. Нетот хотел повернуться к нему, но светило постоянно оставалось сзади, что никак не мешало его видеть, словно теперь у Нетота был один глаз, смотрящий сразу во все стороны. Свет был бледным, как у Бледного всадника на белом коне, но в этом бледном свете было ТАК много оттенков, что у Нетота снова выскочило:

– Вот теперь точно не зря!..

И он захотел к этому светилу.

Однако ни плыть, ни лететь в этом пространстве у него не получалось. И он вдруг испытал такую грусть, что из его Середки начали сочиться потоки печали, словно тонкие полоски светлых слез. Эти чувства казались ему преувеличенными, но очень естественными при виде такой красоты. Он успокоился и начал просто глядеть.

И как только успокоение стало созерцанием, Нетот стал видеть, что пространство вокруг наполнено лучами, и тут же понял, что эти лучи изливаются из Светила. Оно не просто светило, оно было Источником, изливало свет, словно светящуюся жидкость. Лучики эти были тонкими и лились не по законам света, а по законам воды, извиваясь и сливаясь в светящуюся сетку, заполняющую все пространство вокруг Нетота...

Он захотел это разглядеть, но тут грусть-печаль Нетота влилась в потоки света из Источника, и Нетота резко потащило к Светилу.

Он не успел даже охнуть или как-то упереться. Его просто вдернуло внутрь этого Светила, и он повис там, окончательно потерявшись.

Но тут до него вдруг дошло, что он может дышать.

Он вдохнул, и жестокая охота заполнила все его существо. Он висел и хотел! Он хотел всего! Он хотел есть! Он хотел любить! Он хотел жить! Он хотел, хотел, хотел, и ничего, кроме охоты в нем больше не было!

Охота

По мере того, как его успокоение усиливалось, Нетот вдруг начал видеть, что из светила вниз и вверх отходят толстые лучи. Внизу они терялись в невидимости, а вверху переплетались. Среди них удалось ему рассмотреть большой столб света, который уходил вверх. И где-то в высоте, то ли близко, то ли далеко, он разворачивался в еще одно светило, и из него тоже во все стороны выбрасывалось множество лучей разной толщины.

Верхние лучи переплетались и вились, как ветви в кроне у дерева, а нижние змеились вниз, словно корни...

– Да это же дерево! Прекрасное дерево! – понял Нетот.

Пока он восхищался светящимся деревом, потоки печали прозрачными лентами вились вокруг него, сливаясь с пространством и заполняющим его светом, и тянулись, тянулись к этим текущим лучам.

Но как только он осознал, что у дерева есть ветви, к нему пришла мысль, что на них можно взобраться. Он тут же заметил, что местами лучи, выходящие из светила, возле которого он находился, то есть корни, очень близко подходят к ветвям кроны. И в тот же миг его охота превратилась в желание добраться до кроны.

Он прямо почувствовал, как внутри него происходят какие-то изменения. Он только что был возбужден во всех возможных смыслах, но вид лучей-корней, ведущих к лучам-ветвям, словно преобразовывал возбуждение в движение. Движение сначала заставило его сжаться, как перед прыжком, и он даже почувствовал, что раскачивается, словно кот. А в следующий миг он творил путь!

Трудно описать это действие. Вот только что Нетот ощущал себя тупой скотиной, на уме у которой были только бесконечные желания: поесть, поиграть, найти самку, поспать, – и вдруг он почувствовал поразительную ясность ума, который весь был направлен на прослеживание текущих лучей.

Он словно бы решал на бумаге лабиринт, когда ищешь, какой из путей выведет тебя к воротам на том конце. Его взгляд цепко пробегал по лучам, выбирая, по какому добраться до ветвей. Он чуть было не рванулся вверх по первому корню, который шел в ту сторону, но сумел удержать себя и заставил пробежаться по этому лучу взглядом. И верно: корень этот был обманчивым путем и уходил вниз, не дотянувшись до верха.

А вверх шел другой луч, скрывавшийся под первым.

Заметив это, Нетот попробовал двигаться по пространству светила, разглядывая лучи, шедшие кверху. Странно, но это удалось ему. Почвы не было, но было что-то под ногами, по чему он перемещался из стороны в сторону. И, наконец, он нашел такой корень, который подымался так высоко, что, на взгляд, проходил совсем рядом с одной из ветвей, спускавшейся книзу.

По нему он и направился к своей цели. Просто пошагал, как по дорожке.

И тут же сорвался и ухнул вниз, снова погрузившись в жидкость, где не мог дышать. Однако жидкость не выталкивала его, не держала на плаву его тело. Он погружался сквозь нее без сопротивления, просто стремительно тонул. К счастью, глаза он теперь держал открытыми и заметил, что перед ним тянется книзу один из светящихся корней.

Нетот сделал усилие и попытался грести в сторону луча. Но плыть здесь не получалось. Руки не цепляли жидкость, сколько он ни старался. Однако и напрасным усилие назвать было нельзя, потому что из-за него он так напрягся, что стал видеть тонкие, словно волоски, ворсинки, окружающие этот луч.

Ворсинки сначала показались ему короткими, вроде пуха. Но он пригляделся и понял, что они заполняют все пространство от одного корня до другого. Он видел такие тонкие корешки вокруг настоящих корней. Даже у моркови бывают такие корешки-ворсинки.

Нетот протянул ладонь и коснулся ворсинок, пролетая мимо луча, и внезапно почувствовал опору под рукой. Тогда он сделал усилие, словно хотел дотянуться до луча, и ворсинки тут же слились с его рукой и потянули его тело. И в следующий миг он уже вцепился в луч, и страшный голод начал заполнять его тело.

Желудок свело, все поджилки задрожали, ни одной мысли, кроме как о еде, в голове у него не осталось. Это было так сильно и внезапно, что Нетот непроизвольно отпрыгнул от луча, словно отталкивая его от себя. Голод тут же ослаб, но его снова понесло, правда, теперь вверх, прямо к светилу.

Он скользил животом по кончикам ворсинок и ощущал их как гладкую плоскость, по которой можно двигаться. Но не удержал этой сцепки, и его оторвало от ворсинок. И тут же движение ускорилось, и его просто выкинуло на поверхность нижнего светила, так что он кубарем покатился к световому столбу, уходящему вверх.

И опять все виды охоты накатились на него. И он одновременно хотел всего, начиная с еды. Но этот голод не был таким сумасшедшим, как испытанный раньше возле вызывавшего голод корня. Это стало занимать Нетота. Он с подозрением отодвинулся от голодного корня и огляделся. Рядом было еще несколько корней, уходивших то вверх, то вниз.

Нетот решил проверить свои подозрения и пошел-полетел к следующему корню, вглядываясь в свои ощущения. Они изменялись по мере удаления от одного корня и приближения к другому. Он пошел дальше. И ощущения его менялись каждый раз, когда он проходил мимо очередного корня-луча. Никогда Нетот не подозревал, что в нем живет столько желаний и столько их оттенков.

Подходя к одному из лучей, он почувствовал, как нарастает похоть, да так, что все его естество набухло и готово было порвать порты. Охота была столь сильной, что было даже больно. Нетот осторожно отступил, глядя на вздыбившуюся ткань. Боль ушла, но возбуждение не уходило, пока он не оказался ближе к другому лучу.

Тут желание проказничать и озорничать стало овладевать им, и возбуждение на глазах спало вместе с бугром в портах, заместившись озорством...

Нетот ощущал себя пустым сосудом, в который кто-то наливает разные жидкости. Все жидкости вызывали охоту, но охота была разной, и лишь одно было общим: входя, она всецело становилась его натурой, и он узнавал себя в каждом из этих состояний.

Тут же вспомнилось, как он любил себя за то, что был веселым и проказливым. И как это нравилось всем в деревне. Но сейчас Нетот сомневался, что это он был таким, сейчас он начал догадываться, что это озорство просто заполняло его... Но вслед за этим он вспомнил, как всегда сторонился похоти, сам не понимая почему. Словно берегся от нее...

А вот это было другим, эта осторожность шла изнутри. Она была его осторожностью. В отличие от охоты, которая вливалась в него, словно жидкость по трубке... Стоило увидеть что-то возбуждающее, хоть подсмотреть за купающимися девками, как охота начинала наполнять его тело, заставляя двигаться. Но как-то же он с этим боролся? Как?!

И тут Нетот сообразил, что охотником он стал именно потому, что хотел управлять охотой. Он вдруг понял, что корни-лучи, выходящие из этого нижнего светила, наполнены охотой. И в каждом течет своя охота. Жить другим лучом охоты – значит не впускать в себя ту охоту, которую не хочешь впускать! Это искусство!

И однажды он избрал быть охотником, чтобы понять Охоту!

– Вот это открытие! – захихикала вдруг ехидная мысль. – Долго же ты шел до него!

– Да, долго, – подумал Нетот. – Мог бы и вообще не дойти!

И тут он снова поглядел на тот луч, что вызывал в нем проказливость. Он шел вверх, прямо к ветвям, и вокруг него тоже стояло марево из длинных ворсинок.

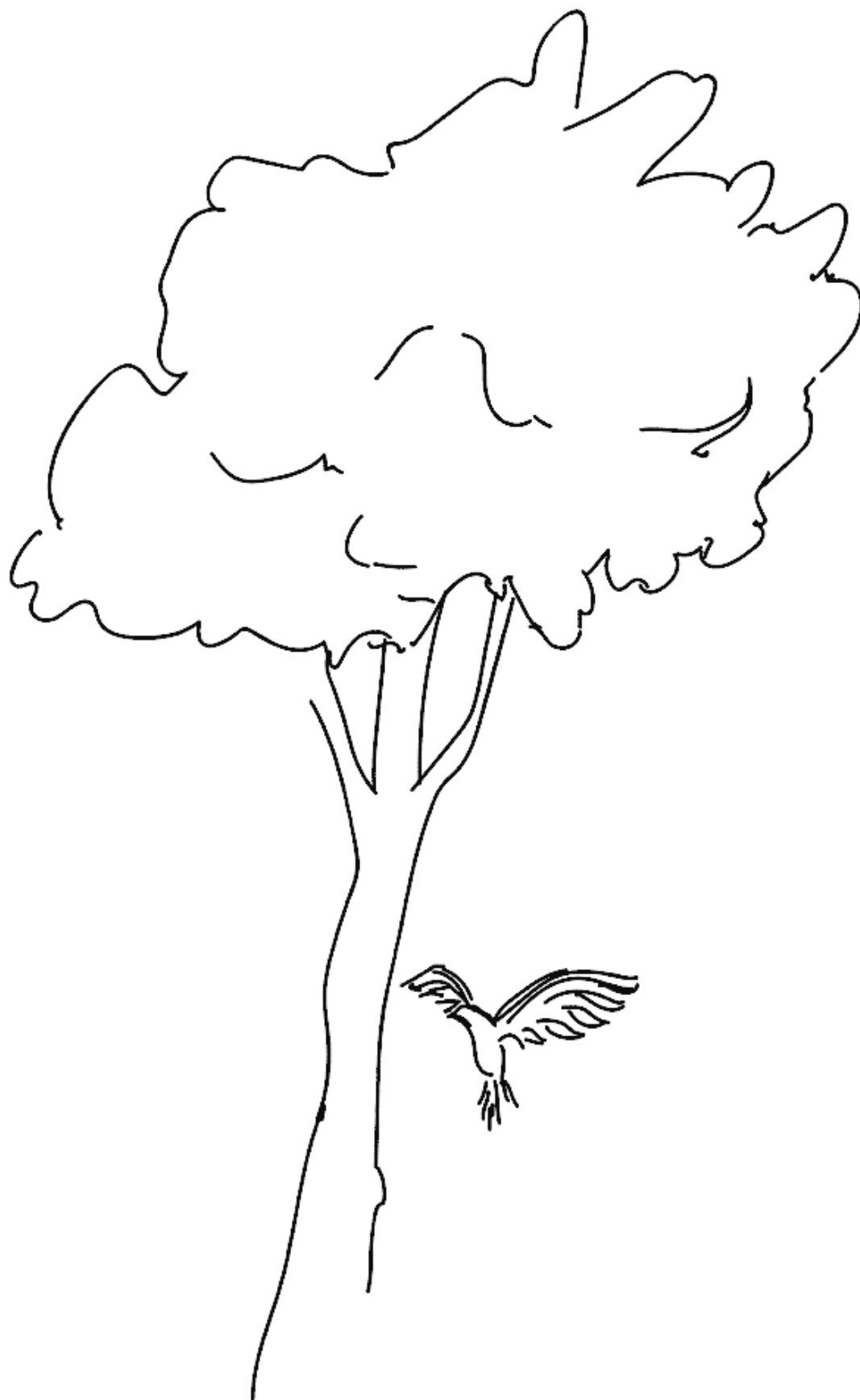
Нетот больше не пытался шагать по лучу, как по дорожке. Он разбежался и прыгнул вверх, так чтобы скользить животом по ворсинкам. И его понесло в вышину, прямо к кроне. Он даже освоил какое-то управление своим движением и продержался довольно долго. Но опять сорвался, не добравшись до ветвей.

Однако, падая, он заметил, что рядом уходит вниз еще один корень-луч, и сумел как-то оттолкнуться от ворсинок проказливого луча. Толчка хватило, чтобы уцепиться за ворсинки следующего, который понес его, словно русские горки, вниз.

Похоже, эти лучи были близкими по духу, потому что Нетот, хоть и почувствовал смену состояния, но не сразу понял, в чем разница. И лишь летя по лучу все глубже, сообразил, что наливается игривостью. Он хотел играть! Играть! Играть!

И сам полет по лучу был игрой!

Это было так здорово! Как в самом раннем детстве, когда игра захватывала целиком. И Нетот начал выдумывать, как бы поиграть с лучом. Но мыслей было немного. Он просто скакал и прыгал на луче, как на лошадке. Прыгал, визжал и смеялся.

Внезапно он заметил, что совсем вплотную к лучу охоты играть приближается еще один луч. Они даже шли какое-то время вместе, прижавшись друг к другу. И как только его ворсинки коснулись Нетота, он вдруг испытал страстную жажду учиться и тут же перепрыгнул на соседний луч.

Теперь он мчался по двум лучам сразу и учился играючи. Учился, как путешествовать по лучам охоты. Это вызвало целый обвал мыслей о том, что можно извлечь из этого приключения. Играючи он легко освоил, как правильно двигаться по лучу, как менять направление движения, как не свалиться с него, как выбирать, куда двигаться.

И луч вдруг изогнулся под его воздействием и помчал его вверх, к кроне. А Нетот залился хохотом, словно объездил прекрасного дикого коня...

Крона

В этом состоянии охоты учиться Нетот быстро сообразил, что может каким-то внутренним усилием подтягивать к себе второй луч, соединяя с лучом охоты. И тогда охота наполняет собой любое действие. Так, оседлав двойной луч охоты учиться, взлетел он к кроне Великого Древа, выбрав ветвь, которая опускалась книзу.

Чем ближе приближался он к кроне, тем отчетливее видел, что она тоже создана из света, но свет ветвей отличался от света корней. Как отличался, понять было невозможно, но разница отчетливо чувствовалась. Впрочем, Нетот довольно быстро отказался от сравнения, поскольку почувствовал, что его захватывает новая мысль: а нельзя ли соединить три луча?

С этой мыслью подлетел он к спускающейся вниз ветке, ощущая, что испытывает возрастающую радость от возможности к ней прикоснуться. Все произошло так же, как и внизу. Он вдруг оседлал и этот луч, который тут же начал набирать высоту. И какое-то время Нетоту казалось, что он летит на трех лучах, поскольку он испытывал радость от того, что может учиться таким необычным способом.

Однако, поглядев вниз, обнаружил он, что луч охоты исчез. Его еще было видно уходящим вниз, но видно было словно сквозь пленку или воду, как если бы луч дотянулся до какой-то поверхности и не смог сквозь нее пройти.

– Как рыба... – подумал Нетот, и ему пришла мысль, что там внизу – вода, а здесь – воздух! И он начал видеть, что пространство внизу действительно словно бы менее прозрачное, и видеть в нем труднее, в отличие от этого нового пространства, где он оказался. Понятно было, что не все, что живет в той плотной среде, может пройти в этот легкий и прозрачный мир.

А вот луч ученичества или познания прошел, как и сам Нетот. Они с лучом познания просто зацепились за ветвь из кроны, и она приняла их.

Что-то в этом было странное, и Нетот начал вглядываться в желание учиться и сообразил: охоты учиться больше не было, но было желание! Желание учиться! Он не сразу это разглядел, потому что для него хотеть и желать различались слабо. Но, начав вглядываться, он почувствовал, что это разные состояния.

Желание не было таким бурным, оно не захватывало целиком и не подчиняло, он вполне мог его сдерживать и управлять им. Желание позволяло ему не мчаться вперед к новому без оглядки, а задерживаться там, где он хотел что-то рассмотреть, и рассматривать это словно бы с разных сторон. Жила эта, на которой он двигался, была тоньше и гибче, чем жилы внизу, и управлять ею было легче.

То же самое ощутил Нетот и по отношению к ветви, за которую ухватился. Он попытался понять, что же она несет, но ничего, кроме прежней радости от того, что может учиться, не почувствовал. Но учеба – это всегда радость для того, кто хочет учиться, и Нетоту долго не удавалось понять, что же есть в этой ветви. А то, что в ней что-то было, он чувствовал.

В конце концов, сама жажда познания заставила его пожертвовать лучом учебы и отпустить его, оставшись лишь с ветвью, спускавшейся из кроны. Нетот перепрыгнул на нее целиком... и ничего не изменилось. Только желание учиться ушло. Но было по-прежнему радостно, и только.

– Наверное, это место такое, где просто воздух наполнен радостью, – подумал Нетот, подтянулся к следующей ветви, оказавшейся рядом, и перепрыгнул на нее.

Радость мгновенно покинула его, зато охватила ярость. Он мчался на этом луче, словно на боевом коне, и образы древних битв заполняли его сознание. Он ощущал, что глаза его широко раскрылись, но словно бы втянулись внутрь, так что он видел только путь вперед и вверх.

Тут-то он понял, что это был за луч, с которого он ушел, как и то, что вовсе не так уж очевидно, что в этом мире учиться было бы легче и проще. Ветвь ярости взмыла вверх и неукротимо несла его к небесам, которые по мере их приближения наливались невероятным светом. Нетот ощущал это движение пугающим, но одновременно таким желанным! Он попытался дать ему имя, но ничего, кроме яростного стремления, придумать не мог.

На самом верху они приблизились к новой ветви, и Нетот решил оседлать и ее. Это ему удалось, но направление его движения тут же сменилось, и теперь он мчался вниз, испытывая такой яростный гнев, что даже его глаза выпучились. Он вспомнил состояние коршуна и понял, что сейчас ищет там внизу кого-нибудь, на кого сможет обрушить весь свой гнев.

Это напугало его, и он попытался освободиться от ветвей, отпихивая их ногами. Но отпихнул лишь луч ярости, оставшись висеть на ветви гнева. Движение сразу прекратилось, словно без ярости гнев неподвижен. При этом гнев начал накапливаться, взбухая вокруг него гроздьями. Нетот висел в каком-то безмерном пространстве, раздуваясь от гнева, и смотрел вниз выпученными глазами в поисках хоть кого-то, кто может принять его гнев.

Наверное, его разорвало бы от этого, но он заметил, что ветвь гнева взмывает вверх из какого-то пространства, подобного нижнему светилу. Приглядевшись, заметил и то, что из этого места выходят еще ветви.

– Вот это я бы хотел посмотреть поближе, – подумал Нетот сквозь гнев, и тут же тонкая веточка дотянулась до него откуда-то сбоку. Нетот ухватился за бахрому вокруг нее и почувствовал, что наполняется желанием, которое вытесняет гнев.

Нетот овладел собой и перешел на ветку желаний. Как ни странно, но гнев полностью ушел, словно вытек, причем, ушел легко, им вполне можно было управлять...

– Как любопытно! – подумал Нетот, и ему захотелось изучить это.

И в тот же миг новый лучик проявился рядом с ним. Нетот дотянулся до его бахромы и понял, что это снова был луч познания. Радость вспышкой промчалась сквозь его сознание, и Нетот увидел, что еще один луч тянется к нему. Это явно была уже знакомая ветвь радости. Но он не стал даже за нее хвататься, потому что жажда познания была сильнее, и потянулся снова к ветви гнева, на которой медленно рассасывались грозди, которые он недавно взрастил.

Гнев мгновенно и охотно заполнил его целиком. Но Нетот, теперь не отпускающий луч познания, оттолкнулся от ветви гнева и дотянулся до луча радости. И радость стремительно вытеснила гнев!

Так проделал Нетот несколько раз с гневом. Затем подумал, что хотел бы проверить это на ярости, и ярость немедленно протянула к нему свою ветвь. Но и с яростью было то же самое. Она заполняла всецело, глаза его тут же проваливались и устремлялись по узкому коридору вверх, словно смыслом ярости было вырваться из этого воздушного мира в мир света. Но стоило по-настоящему принять решение перейти в радость, как ярость исчезала, словно ее и не было. С ней пропадала и устремленность вверх, зато мир вокруг становился прекрасным...

Нетот опробовал все встречные ветви и познакомился с любовью, верой и надеждой. И все было так же. Однако следующая ветвь, которую он встретил в своем путешествии, оказалась для него непростой. Это была тоска...

Она так же заполняла всецело, так же меняла она и его глаза, делая их плоскими и белыми. Но от нее не удавалось избавиться, потому что она лишала силы. Луч радости и луч желания даже подтянуть к себе не удавалось. А когда удалось все же подтянуть луч познания, – он почему-то продолжал действовать даже в этом состоянии, – тоска ушла не целиком. Как-то ее обрывки еще долго цеплялись за что-то внутри сознания, как обрывки тумана цепляются за кусты...

Пришлось долго промывать себя радостью и ликованием, которое приходило, когда какая-то из ветвей дотягивалась до света, лившегося сверху...

Тем не менее, Нетот понемножку освоился в кроне Великого Древа и начал даже узнавать ветви издалека. Как только он это понял, ветвь познания понесла его прямо к светилу, из которого росла вся эта крона.

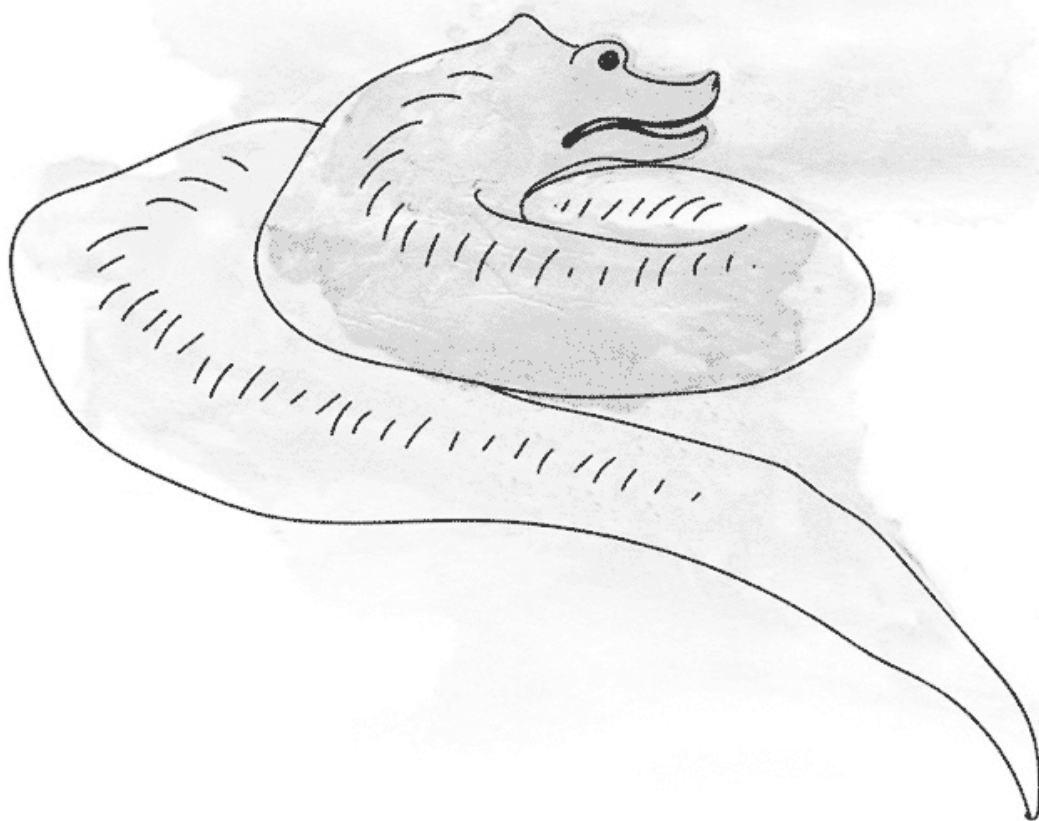
Возле верхнего светила все было так же, как и внизу. Не было никакой почвы под ногами, но можно было свободно перемещаться в любом направлении. При приближении к любой из ветвей новое чувство заполняло все нутро. Но оказалось, что эта крона – не вершина Древа. Ствол уходил еще выше, куда-то в вышину и свет, где, правда, Нетоту ничего не удалось рассмотреть. Его глаза словно не были приспособлены, чтобы видеть в таком свете...

Но на самом стволе прямо над ветвями обнаружил он странное утолщение, подобное осиному гнезду. И из него тянулись ко всем ветвям тонкие жилки, подобные паутине...

Паучье гнездо

Это утолщение на стволе Древа очень заинтересовало Нетота. Оно словно наблюдало за ним, и он даже начал подозревать, что это живое существо прикидывается наростом на дереве. Потом он подумал, что это паук, а жилки, которые тянутся от него по всему Древу, действительно паутина...

Нетот кружил вокруг, пытаясь разглядеть в неровностях поверхности утолщения спрятавшегося паука, но на паука это все уж слишком не походило. И Нетот пришел к выводу, что это не паук, а паучье гнездо. В таких гнездах паучихи выводят маленьких паучат, и их там множество. После этого ему стало казаться, что в гнезде и вправду что-то шевелится... И это вызвало в нем ошутимое чувство опасности!

Нетот хотел подобраться поближе и потрогать гнездо, но мысль, что так он его вскроет и окажется один против тучи мелких голодных паучат, удержала его. Впрочем, не сдержав любопытства, он по-прежнему пытался рассмотреть, что же там движется, и пришел к выводу, что если там и есть что-то, оно не мелкое и не множественное. Двигалось что-то одно.

По мере того, как восприятие Нетота настраивалось, движения все более явственно ощущались под оболочкой гнезда, будто сквозь нее проступало некое тело. Однако сколько Нетот

ни пытался за ним угнаться, он никак не мог оказаться напротив того, что двигалось. Оно все время ускользало, успевая повернуться на другую сторону.

В конце концов, Нетоту надоело гоняться, и он решил затаиться и подкараулить. И был вознагражден. Но то, что он увидел, потрясло его до ужаса! Внезапно появившееся сбоку гнезда движение остановилось прямо напротив него, и в гнезде распахнулась щель, а из нее глядел огромный глаз!

Нетота отбросило и обдало холодным сивоном, так что не только спина, но и руки и ноги покрылись пупырышками, а волосы по всему телу и на голове встали дыбом. Глаз мгновенно закрылся и исчез, переместившись дальше, но Нетота еще долго несло прочь от него в странстве между ветвями.

Оторопь была настолько велика, что он не сразу догадался зацепиться за какую-либо из ветвей и остановиться. Но когда сообразил, то уцепился за жилу познания, случайно оказавшуюся рядом, и это все поменяло. Происшедшее мгновенно начало восприниматься как вызов, и стало чудовищно любопытно, что ЭТО было?!

Нетот не стал отпускать жилу и начал вместе с ней подбираться поближе к утолщению, предполагая, что это мог быть глаз огромного паука. Но теперь домыслы не устраивали его, теперь, проникнувшись жадой познания, он хотел знать точно.

Жила познания, похоже, усилила его способности и увеличила скорость. Теперь он начал замечать, что ЭТО С ГЛАЗОМ внутри гнезда не просто движется. Оно постоянно останавливалось, открывая щель в любой части гнезда и на мгновение распахивая глаз. Но тут же его захлопывало и перемещалось дальше резким скачком.

Нетот вспомнил свои охотничьи навыки, вспомнил, как тропил зверя, изучая его пути и повадки, и применил это к глазу. Не сразу, но довольно быстро он заметил, что скачки были не такими уж беспорядочными. Глаз повторял определенный набор перемещений, распахиваясь точно в тех же самых местах, лишь временами начиная трепетать под поверхностью гнезда и дергаясь в непредсказуемом направлении.

Понаблюдав за этим, Нетот стал понимать, что глаз этот должен двигаться вполне понятным путем, но в его движение что-то вмешивается, и тогда он дергается, скачет раз или несколько непредсказуемо, а потом возвращается к обычному пути. И движется по нему, перемещаясь с огромной скоростью, так что мгновенно оказывается в другом месте.

При этом двигался глаз по поверхности гнезда словно бы против солнца, накручивая мотки то выше середины, то ниже, как бабушки мотают клубок с нитками. Но стоило войти сбою, как глаз начинал дергаться, подымаясь вверх или так же неровно опускаясь вниз.

Похоже, если бы не помехи, движение глаза всегда было бы круговым. Но то, что ему мешало, двигалось сверху вниз и снизу вверх, и глаз словно бы пытался за ним уследить. При этом, двигаясь вверх или вниз, он успевал открыться несколько раз, так что Нетот произвольно начал проследивать за направлением его взгляда, и, как ему показалось, заметил какое-то движение в ветвях Древа.

Заметил, но ни рассмотреть, ни уследить не смог... Если там что-то и было, его скорости были Нетоту недоступны даже с жилой познания.

Поэтому он бросил это бесполезное занятие и начал наблюдать за глазом. И так вычислил место, где глаз открывался чаще всего и оставался открытым дольше. Нетот расположился напротив этого места и стал ждать.

Первые разы, когда глаз распахивался прямо перед ним, это все равно приводило Нетота в ужас. И даже не потому, что глаз был огромным. Нет, что-то ужасное было в самом глазе. Как если бы он превосходил все человеческие возможности противостоять и обладал силой, одно присутствие которой рядом делает человеческую жизнь ничтожной.

Однако вскоре Нетот привык и развил в себе какую-то способность выдерживать эту близость. Не в том смысле, что сивон перестал пробегать по его телу. Нет, стало даже хуже:

теперь каждый раз его охватывал не только сивон, но и начиналась дрожь внутри тела. Сначала только в груди, в середине, затем она начала разливаться вверх и вниз, так что казалось, что все нутро трепещет. Но теперь Нетот мог с этим жить, он сохранял способность думать, несмотря на сивон и внутренний трепет.

Думать и решать задачи. А задачей он себе поставил поймать взгляд этого глаза. Глаз распахивался, но, как понял Нетот, не видел его. Он глядел словно в никуда. Или куда-то, но это «куда-то» было Нетоту недоступно. Нетот попытался помахать руками и попрыгать, чтобы привлечь внимание глаза к себе, но это было бесполезно. И он сам ощущал, что это слишком медленные движения. Глаз жил совсем в другой скорости, так что движения Нетота были для него просто не видны.

Тогда он начал смещаться так, чтобы глядеть, когда глаз откроется в очередной раз, прямо в зрачок, можно сказать, в самое зрение глаза. Но поймать эту ось зрения, уходящую внутрь глаза, было совсем не просто.

Поэтому Нетот решил не ловить ось, а вглядываться внутрь глаза вдоль по ней, и довольно скоро заметил, что под желтой блестящей поверхностью зрачка вспыхивают искорки. Чем больше он вглядывался, тем лучше он видел в глубине глаза и тем больше всего замечал, словно обучался новому способу видеть.

Постепенно он начал не просто ловить взор, но пытаться проникнуть вглубь зрачка, чтобы рассмотреть, что это за искорки и где они зарождаются.

Не с первого раза ему удалось рассмотреть, что искорки словно бы всплывают из глубины глаза к поверхности зрачка. А там в глубине было что-то, что их порождало... Теперь Нетота не занимал сам глаз, при каждом его открытии он пытался дотянуться своим взором до источника искр, но глаз постоянно закрывался быстрее, чем это удавалось.

Усилие истощило Нетота, и он отвалился и даже прилег на жилу познания, отдыхая и восстанавливая силы. Отдых этот на жиле познания, надо признать, был весьма беспокойный – тело отдыхало, но разум постоянно искал решения, словно взрываясь новыми образами. Нетот начал наблюдать за этим, даже попытался остановить поиск, но это ему очень плохо удавалось.

Пришла мысль, что надо отцепиться от жилы познания, но вот этого он себе позволить не смог, даже засмеялся от такой глупости: наслаждение, которое он испытывал, думая, было слишком высоко, чтобы осознанно решиться потерять способность познавать.

Он хотел осмыслить это новое для себя состояние, но тут же пришла ему мысль, что хорошо бы подтянуть корень охоты. Он принялся мысленно искать охоту, и даже почувствовал, что она отзывается, но его тут же начало утягивать вниз, к корням, прочь от паучьего гнезда. Это ему не понравилось, и он отпустил охоту, вернулся на прежнее место и начал звать ветвь желаний.

Не сразу удалось ему перестроиться с охоты на желания, уж очень разные были от них ощущения. Но тут глаз взглянул на него, и в тот же миг он нащупал где-то в пространстве жилу желаний и потянул ее к себе. И она пришла.

Теперь Нетот сидел на двух жилах сразу – познание, соединившись с желанием, стало сильнейшим желанием познать, найти решение, открыть тайну. И когда Нетот в этом состоянии заглянул в открывшийся перед ним глаз, он дотянулся до источника искр...

И оказался внутри глаза, словно его проглотили! Ощущение было такое, будто кто-то огромный втянул в себя воздух и с ним комара, которым ощущал себя Нетот.

– Вот дурак! – услышал он хихиканье ехидной мысли, но даже не смог ответить, так силен был его ужас.

Внутри паучьего гнезда

Снаружи гнездо было большим, даже огромным. Но когда Нетот оказался внутри, первое, что ударило по его восприятию, это безмерность пространства, в котором он оказался. Как такая огромность могла уместиться в каком-то гнезде, пусть даже толще, чем ствол великого Древа?! У гнезда изнутри не было границ! И это вызвало вспышку страха: где искать выход, как выбираться из такого места?!

Но эта вспышка была хоть и пронзительной, но очень краткой. Нетот даже не успел ее по-настоящему осознать, потому что в следующий миг по всем его органам восприятия ударил резкий, разрушительный свет! Он лился со всех сторон и с такой силой, что Нетот мгновенно ослеп. И лишь глядя во время, то есть вспоминая свои ощущения, он смог понять, что у пространства этого было устройство.

Уже ничего не видя глазами и полностью отдавшись той силе, что влекла его к середине гнезда, Нетот осознал, что все гнездо состояло словно бы из лучей, разлетающихся от середины во все стороны. Или наоборот, стремящихся в этот узел средоточия. Лучи не упирались ни в какие стенки, они просто уходили в бесконечное пространство, и были такой яркости, что даже воспоминание о них вызывало сильнейшую боль.

Но эта боль тоже оказалась слабой, когда Нетота втянуло в самое средоточие и начало там кружить. С дуру он на миг открыл глаза, чтобы понять, что с ним происходит. И свет выжег его глаза! Но это не помогло. Казалось, что все органы восприятия превратились в зрение. Он видел этот свет слухом, кожей, свет заполнял ноздри, вместо запаха, желудок – вместо голода, рот – вместо вкуса. И заполнял с такой силой, что выжег весь рот и спалил язык, когда Нетот попытался кричать...

Сильнее боли не могло быть. Но в миг, когда Нетот понял, что барахтаться бесполезно, и непроизвольно расслабился, его втянуло головой в самое средоточие, словно в глаз воткнули горячую головню. И он снова закричал, теряя сознание.

Это было удивительное ощущение – потерять сознание там, где потерять его невозможно, потому что сознание рвется в тебя снаружи и возвращается, сколько бы ты его ни терял. Нетот терял его несколько раз, и каждый раз безжалостный горячий свет возвращал его сознание и прорывался глубже, словно у сознания было много-много уровней. Так что, теряя сознание, Нетот оказывался сознающим еще лучше и лучше. Тогда он терял сознание еще раз, но свет прорывался еще глубже, и он снова все создавал.

Несмотря на нестерпимую боль, Нетот как-то видел то, что с ним происходит, и выглядело это так, будто в глубине его было нечто, что считало себя собой. И это нечто, можно сказать, Я, каждый раз, когда было нестерпимо, пыталось сбежать из тела. Видимо, оно сбегало наружу, сдавая очередной рубеж обороны или своей крепости. Но поток света снаружи загонял его обратно, за этот рубеж, и Нетот видел, что там он тоже сознает себя как Я...

Сколько длилось это бегство от боли вглубь себя, сказать было невозможно. То ли это происходило мгновенно, то ли где-то, в том его прежнем мире, проходили дни и недели... Но Нетот сражался, чтобы сохранить себя и не дать выжечь полностью. И это было больно, чудовищно больно! И длилось, и длилось!

А потом пришел миг, когда Нетот понял, что хочет спать. Он даже вспомнил, как в одной из жизней висел на дыбе, и было так больно, что в какой-то миг он просто уснул внутри этой боли. И он попытался уснуть. Но уснуть – это уйти из тела душой, уйти в привычные миры души, где она отдыхает, путешествуя. Для этого путь наружу должен быть.

А его не было! Был только поток света, с силой мчащийся внутрь. И как только Нетот попытался сбежать из тела, этот поток подхватил его душу и ударил ее о последний барьер. Барьер исчез, словно распахнулся, и поток хлынул сквозь Нетота. Сразу же ушла боль. Она умчалась вместе со светом, который свободно лился сквозь. Теперь, когда ему ничто не мешало, не вставало преградами на его пути, свет просто тек, и даже перестал ощущаться чем-то болезненным...

Он заполнял все внутреннее пространство, и оно ощущалось столь же безмерным, как и то, из которого этот свет лился. Тут Нетот почувствовал себя тем средоточием, которое висело в середине гнезда. Свет из безмерного внешнего пространства собирался в него и, не находя преграды, лился в такое же безмерное внутреннее пространство.

Затем Нетот сообразил, что, похоже, этот так и есть, ведь его затащило внутрь гнезда и воткнуло средоточие ему в глаз, как он помнил. И это было удивительно: он все же что-то помнил. Он только не помнил, в какой именно: правый или левый глаз? Он попытался жмуриться глазами поочередно, но глаза были где-то далеко снаружи того потока, что тек сквозь него, и он пришел к выводу, что поток идет сквозь какой-то внутренний глаз.

Однако при этом ощущения от телесных глаз были разными. Он решил открыть их и заранее сжался от боли, собираясь с силами. Однако левый глаз открыть так и не удалось. Правый же он открыл и не увидел никакой разницы: снаружи был тот же свет, что и внутри. Поэтому Нетот усомнился, что открыл глаз. Похоже, глаза больше не было, и он открывал не глаз, а всего лишь веки...

Боли тоже не было. Точнее, не было новой боли. Глаз просто болел внутри от ожога, как болели язык, небо, ноздри изнутри и кожа. Нетот посмотрел на кожу своего тела изнутри, и ему пришла сумасшедшая мысль: если глаз нет, сможет ли он видеть кожей?

Он попытался посмотреть из груди, и это ему удалось. Вернее, он почувствовал, что смотрит из груди сквозь кожу, но видел он все тот же белый свет. Какая-то разница, правда, была,

но определить, в чем она, не удалось... Тогда он высунул язык, предполагая посмотреть им. И тут же спрятал – почему-то язык снова обожгло.

– Не тяни язык, куда не просят! – вдруг засмеялась ехидная мысль, да так громко, что Нетот даже вздрогнул.

– Ты чего орешь?! – прикрикнул он на нее.

– Я?! Это я ору?! – возмутилась ехидная мысль. – Ну, ты не прав! Это ты так слышишь. Лечись!

– Я так слышу... – задумался Нетот, и тут же попытался увидеть свет ушами, точнее, слухом.

И понял, что свет этот действительно разный. Для слуха он как бы нес нечто отличное от зрения, словно был чем-то наполнен. Разобраться в этом отличии, однако, не получилось, потому что пришла мысль посмотреть на свет носом, то есть нюхом.

Нос изнутри был обожжен, но что-то чуял. Чуял он больше, чем видел слух. Но и понять это было труднее. Как только Нетот переключился на нюх, как его потянуло вдоль по лучам наружу. И он внезапно оказался в бесконечном черном пространстве, полном далеких звезд, к которым его стремительно несло.

Это движение напугало Нетота, и он захотел вернуться к своему телу. Тут же вся боль от ожогов вернулась к нему и стала нарастать. Чем пристальнее Нетот в нее вглядывался, тем нестерпимее она становилась. К счастью, мысль про звезды мелькнула в его сознании, и он снова помчался по одному из лучей в то бездонное пространство, полное звезд.

Этот луч что-то напомнил ему. Нетот перевел на него свое внимание, и луч тут же заискрился и заиграл под ним.

– Прямо как жилы того Древа! – вдруг вспомнил он, словно из далекой-далекой жизни.

И оказался внутри кроны, где вились светящиеся ветви, полные своего света. Нетот каким-то внутренним движением потянулся к одной из них и тут же увидел, как сияющая паутинка прикоснулась к жиле. В тот же миг чувство любви наполнило его. Он отдернул паутинку, и это чувство оборвалось, хотя паутинка осталась прилипшей к ветви. Тогда он потянулся к другой ветви, и новая паутинка приклеилась к ней. Чувство радости открылось Нетоту. Но он отдернул паутинку, и радость ушла.

– А что с тоской?! – пронеслось где-то внутри светящейся пустоты Нетота.

Он тут же нашел ветвь тоски и швырнул в нее паутинку, внутренне сжимаясь от предчувствия боли. Тоска не заставила себя ждать, но стоило отдернуть паутинку, как это чувство бесследно покинуло его. Чувство тоски было совсем не тем же, что и тоска. Как не было радостью и чувство радости, а чувство любви любовью.

Так познал Нетот разницу между чувствами и тем, что они чувствуют. Познал, но не понял, потому что сама эта игра в чувства захватила его, и он принялся изучать все ветви и все корни великого Древа. И даже когда приходило к нему привычное чувство голода или жажды, он радовался, потому что в любой миг мог убрать паутинку, и чувство послушно уходило, словно никакого голода не существовало в действительности...

Наконец эта игра пресытила Нетота, и он решил поглядеть на великое Древо снаружи. И это оказалось возможным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.